

Серия «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

Приключенческие рассказы

Господин Всезнайка
Мистер Бригс был прав
Шериф Коны
Дебют бимбаши Иойсе

Приключенческие Рассказы

Господин Всезнайка
Мистер Бригс был прав
Шериф Коны
Дебют бимбаши Иойсе

1948

ГОСПОДИН ВСЕЗНАЙКА

Я имел преубеждение против Макса Келлада еще раньше, чем я его узнал. Война только что окончилась и океанские пароходы были переполнены пассажирами. Было очень трудно достать хорошие каюты, и вы должны были брать то, что агенты изволили предлагать вам. Нельзя было надеяться достать каюту на одного человека, и я был рад, когда мне дали каюту, в которой было только два человека. Но, когда мне назвали фамилию моего спутника, мое сердце замерло. Эта фамилия заставляла предполагать, что иллюминаторы будут плотно закрыты и свежий воздух ночью совершенно исключен. Было достаточно неприятно находиться в одной каюте, с кем бы то ни было, в течение четырнадцати дней (я ехал из Сан-Франциско в Иокогаму), но мне было бы менее неприятно, если бы фамилия моего спутника была Смит или Браун.

Когда я прибыл на борт судна, я нашел г-на Келлада уже внизу. По виду он мне не понравился, на чемоданах было слишком много наклеек, а платяной сундук был слишком велик. Его туалетные принадлежности были уже распакованы, и я заметил, что он был потребителем изделий знаменитого Коти, ибо

я увидел на умывальном столике духи, воду для волос и бриллиантин. Щетки г-на Келлада, из черного дерева с золотой монограммой, были пригодны для причесывания курстарников. Мне г-н Келлада совсем не понравился. Я прошел в курительную комнату

и ал раск' адывать пасьянс. Я только что начал, как ко мне подошел один господин и спросил меня, не ошибается ли он, что моя фамилия такая то?

— «Моя фамилия Келлада», — добавил он с улыбкой, которая показала ряд блестящих зубов, и сел около меня. — Я думаю, что мы с вами занимаем общую каюту. Я назвал бы это несчастьем. Никогда не знаешь с кем тебя поместят. Я обрадовался, когда узнал, что вы англичанин. Я предпочитаю, чтобы англичане держались бы вместе, когда мы за границей. если вы понимаете, что я имею в виду.

Я моргнул глазами.

— Вы англичанин? — спросил я, может быть, несколько бестактно.

— В некоторой степени. Вы ведь не думаете, что я похож на американца, не правда ли? Британец до мозга костей, вот кто я.

Чтобы доказать это, г-н Келлада вытащил из кармана свой паспорт и с важным видом помахал им перед моим носом.

Король Георг имел много странных подданных. Г-н Келлада был низкого роста, коренастый, чисто выбритый, темнокожий, с мясистым крючковатым носом и очень большими, блестящими влажными глазами. Его длинные черные волосы были мягкими и вьющимися. Он бегло говорил на языке, в котором не было ничего английского, а его жесты были красноречивы. Я был в значительной степени уверен, что при внимательном рассмотрении его британского паспорта, оказалось бы, что он родился под более синим небом, чем то, которое обычно зывает видно в Англии.

— Что вы будете пить? — спросил он меня.

Я с сомнением посмотрел на него. Закон о запрещении спиртных напитков был в силе и, по всем признакам, судно было «сухим». Когда я не хочу пить, я не знаю, что я больше недолюбливаю, имбирное пиво или лимонный сок. Но г-н Келлада улыбнулся мне по-восточному.

— Сода виски или сухой мартини, вам надо только сказать.

Из каждого своего кармана он выудил по фляжке и поставил их на стол перед собой. Я выбрал мартини. Подозвав официанта, он заказал стакан со льдом и пару бокалов.

— Очень хороший коктейль — сказал я.

— Да, если вы заведете друзей на борту судна и скажете им, что у вас есть приятель, который любит ликеры, вы получите любой ликер на свете.

Г-н Келлада был болтлив. Он говорил о Нью-Йорке и о Сан-Франциско. Он рассуждал о пьесах, картинах и политике. Он был патриотом. Британский флаг достаточно внушительен, но когда он находится в руках джентльмена из Александрии или Бейрута, мне кажется, что он несколько теряет в своем достоинстве. Г-н Келлада был фамильярен. Я не хочу важничать, но я не могу не упомянуть того, что он, кажется считал излишним вставлять слово «господин» перед моей фамилией, когда он обращался ко мне. Г-н Келлада, без сомнения, считал излишней такую формальность. Г-н Келлада мне не понравился. Когда он сел со мной, я отложил в сторону карты, но теперь, думая, что для первого раза наш разговор затянулся слишком долго, я возобновил свой пасьянс.

— Тройку на четверку. — сказал г-н Келлада.

Нет ничего более раздражающего, когда вы раскладываете пасьянс, чем слышать, как вам говорят, какую карту и куда класть, прежде, чем вы замечаете это сами.

— Выходит, выходит. — вскричал он — десятка на валета.

С яростью и ненавистью в своем сердце я закончил пасьянс. Затем колоду карт взял он.

— Вы любите карточные фокусы?

— Нет, я ненавижу карточные фокусы — ответил я.

— Ну, я покажу вам только этот.

Он показал мне три. Потом я сказал, что пойду вниз в ресторан, чтобы занять свое место за столом.

— О, все в порядке — сказал он. — Я уже занял место для вас. Я думал, что, поскольку мы находимся в одной каюте, мы могли бы также сидеть и за одним столом.

Мне не нравился г-н Келлада.

Я не только находился с ним в одной каюте и сидел три раза в день с ним за одним столом, но я не мог также прогуливаться по палубе без того, чтобы он не присоединился ко мне. Отделаться от него было невозможно. Ему никогда не приходило в голову, что его не хотят. Он был уверен, что вы так же рады видеть его, как и он вас. В вашем собственном доме вы могли спустить его по лестнице и захлопнуть дверь у него перед носом, не вызывая у него и тени подозрения, что он является нежелательным посетителем. Он был очень общителен и через три дня знал каждого на судне. Он бегал всюду. Он расширял знакомства, устраивал аукционы, собирал

деньги для спортивных призов, устраивал состязания в гольф и метание колец, организовывал концерты и балы в фантастических костюмах. Он всегда был всюду. Вероятно он был наиболее ненавидимым человеком на судне. Мы называли его «господин Всезнайка», даже в лицо. Он принимал это, как комплимент. Но наиболее нетерпимым он был за столом во время еды. Большую часть часа мы находились тогда в его руках. Он был красноречив, весел, болтлив и охотник до споров. Он знал все лучше, чем кто либо другой и, если вы с ним не соглашались, это было оскорблением для его самонадеянного тщеславия. Он не мог кончить разговора на какую либо тему, хотя бы и маловажную, до тех пор, пока он не заставлял вас думать так, как он. Ему никогда не приходило в голову, что он мог быть неправым. Он был парнем, который знал все наверное. Мы сидели за столом доктор Рауль и г-н Келлада, конечно, держал весь разговор в своих руках, ибо доктор был ленив, а я натянуто-индеферентен. Одним исключением был человек по имени Рэмси, который также сидел с нами. Он имел такой же авторитетный тон, как и г-н Келлада, и негодовал на чванство левантийца. Дискуссия, которую они вели, была всегда резкой и нескончаемо долгой.

Рэмси жил в Кобэ и работал в американском консульстве. Он был крупным здоровым парнем со Среднего Запада, несколько полноватым, в тесном костюме. Он возвращался к месту своей службы после кратковременного посещения Нью Йорка, где он побывал, чтобы забрать свою жену, которая провела дома целый год. Г-жа Рэмси была хорошенькой маленькой женщиной с приятными манерами и чувством юмора. Служба в консульстве оплачивается плохо, и она была одета всегда очень просто, но она умела носить платья. Она держала себя со спокойным достоинством. Я не обратил бы на нее особенного внимания, если бы она не обладала качеством, которое должно быть довольно обычным в женщине, но в наши дни стало редкостью. Нельзя было смотреть на нее и не удивляться ее скромности. Это качество выделялось в ней, как цветок на платье.

Однажды вечером, за обедом, разговор случайно вертелся около жемчуга. В газетах была большая статья об искусственно-культивируемом жемчуге который выращивали японцы, и доктор заметил, что они должны таким образом неизбежно понизить стоимость настоящего жемчуга. Этот искусственно-культивируемый жемчуг был уже очень хорош, скоро он станет совершенным. Г-н Келлада, согласно своему обычаю, вмешался

в новую тему. Он рассказал нам все, что надо было знать о жемчуге. Я не думаю, что Рэмси вообще знал что-нибудь о нем, но он не мог удержаться от удобного случая сделать выпад по адресу левантийца и через пять минут мы были в разгаре горячего спора. Я видел красноречие и стремительность г-на Келлада и прежде, но я никогда не видел его таким стремительным и красноречивым, как теперь. Наконец что-то, что сказал Рэмси, так задело его, что он стукнул по столу и закричал:

— Ну, я знаю, о чем я говорю. Я еду в Японию как раз за тем, чтобы познакомиться с японской жемчужной промышленностью. Я занят в этой области и в ней нет человека, который не скажет вам того, что я говорю о жемчуге. Я знаю все лучшие жемчужины на свете, а то, чего я не знаю о жемчуге, не стоит и знать.

В этом неожиданном откровении заключалась для нас новость, так как г-н Келлада, несмотря на свою болтливость, никогда никому не сказал какое у него занятие. Мы только хорошо знали, что он ехал в Японию по какому-то коммерческому делу. Он с победоносным видом посмотрел на сидящих за столом.

— Они никогда не смогут получить такого культивированного жемчуга, которого, такой

эксперт как я, не определил бы сразу, взглянув на него половинкой глаза. — Он указал на жемчужное ожерелье, которое было на г-же Рэмси. — Даю вам слово в том, г-жа Рэмси, что ожерелье, которое вы носите, никогда не будет стоить меньше, чем теперь.

Г-жа Рэмси с самым скромным видом немного покраснела и поправила вырез своего платья, так, чтобы жемчуг был бы не виден. Рэмси наклонился вперед. Он посмотрел на всех нас, и в его глазах мелькнула улыбка.

— У г-жи Рэмси прекрасное ожерелье, не так ли?

— Я сразу это заметил, — ответил Келлада — я сказал сам себе, что эти жемчужины настоящие.

— Конечно, я не покупал их сам. Мне было бы интересно узнать, сколько они стоят? — спросил Рэмси.

— О, чтонибудь, около пятнадцати тысяч долларов. Но если это было куплено на Пятой Авеню, я не удивился бы, если бы услышал, что за них заплачено до тридцати тысяч долларов.

Рэмси мрачно улыбнулся.

— Вы будете удивлены, услышав, что г-жа Рэмси купила это ожерелье в универсальном магазине, в тот день, как мы выехали из Нью-Йорка, за восемнадцать долларов.

Г-н Келлада вспыхнул.

— Вздор, это не только настоящие, но и одни из самых прекрасных жемчужин, которые я когда либо видел.

Хотите деожать пари? Я буду держать пари на сто долларов, что это имитация.

— Идет.

— О, Эльмер, нельзя держать пари на что-либо наверняка, — сказала г-жа Рэмси.

Легкая улыбка играла на ее губах, а ее тон был слабо противоречащим.

— Нельзя? Если у меня есть шанс получить легко деньги, я был бы дураком, если бы я не согласился на это пари.

— Но как это можно доказать? — продолжала она. — Ведь здесь только мое слово, против знаний г-на Келлада.

— Позвольте мне взглянуть на ожерелье и, если это имитация, я скажу вам очень скоро. Мои средства не позволяют мне также терять сто долларов — сказал г-н Келлада

— Сними его, милая, пусть этот джентльмен смотрит на него так долго, как ему нравится.

Г-жа Рэмси на мгновение поколебалась. Она стиснула свои руки.

— Я не могу расстегнуть его — сказала она. — Г-н Келлада должен будет поверить мне на слово.

У меня возникло внезапное подозрение, что сейчас должно произойти что то неприятное, но я ничего не мог придумать, что сказать

Рэмси вскочил.

— Я расстегну его.

Он протянул ожерелье г-ну Келлада. Левантиец вынул увеличительное стекло из своего кармана и внимательно осмотрел ожерелье. Торжествующая улыбка озарила его гладкое смуглое лицо. Он протянул ожерелье назад. Он собирался что то сказать. Вдруг он обратил свой взор на лицо г-жи Рэмси. Оно было таким белым, что казалось она готова была упасть в обморок. Она уставилась на него расширенными от ужаса глазами. Они выражали отчаянную мольбу, это было так ясно, что я удивляюсь, как ее муж не заметил этого

Г-н Келлада остановился с открытым ртом. Он сильно покраснел. Было видно, что он делает над собой усилие.

— Я ошибся, — сказал он. — Это очень хорошая имитация, но конечно, когда я посмотрел через лупу, я увидел, что ожерелье было не настоящее. Я думаю, что восемнадцать долларов как раз подходящая цена для этой проклятой вещи.

Он вынул свой бумажник и вытащил оттуда сто-долларовую бумажку. Он протянул ее Рэмси, не говоря ни слова.

— Может быть это научит вас не быть таким самоуверенным в следующий раз, мой молодой друг — сказал Рэмси, беря банкнот.

Я заметил, что руки г-на Келлада дрожали.

Эта история очень скоро разнеслась по всему судну и г-н Келлада должен был выслушать множество насмешек в тот вечер. Это была прекрасная шутка, на которой поймали г-на Всезнайку. Но г-жа Рэмси удалилась в свою каюту, пожаловавшись на головную боль.

На следующее утро я встал и начал бриться. Г-н Келлада еще лежал, куря сигарету. Вдруг послышался слабый царапающий звук, и я увидел, что из-под двери торчит письмо. Я открыл дверь и выглянул. Там не было никого. Я поднял письмо, и увидел, что оно было адресовано г-ну Максу Келлада. Фамилия была написана печатными буквами. Я протянул ему письмо.

— От кого это? — Он открыл его. — О!

Он вытащил из конверта не письмо, а сто-долларовый билет. Он посмотрел на меня и снова покраснел. Он разорвал конверт на мелкие кусочки и отдал обрывки мне.

— Не возражаете, выбросить это в иллюминатор?

— Я сделал, как он просил и, затем, с улыбкой поглядел на него.

— Никому не нравится, когда его делают совершенным, проклятым дураком, — сказал он.

— Это был настоящий жемчуг?

— Если бы я имел хорошестькую жемчу, я никогда не позволил бы ей остаться на год в Нью-Йорке, в то время, как я сам жил бы в Кобэ — сказал он.

В тот момент я совершенно не питал неприязни к г-ну Келлада. Он вынул свой бумажник и тщательно положил в него сто-долларовый банкнот

МИСТЕР БРИГС БЫЛ ПРАВ

Осенью 1922 года я возвращался на поезде в Сан-Франциско из Нью-Йорка. В курительном вагоне, в первое же утро, после того, как мы отъехали от Чикаго, один человек, сидевший по другую сторону вагона, как бы случайно наклонился вперед и сделал замечание по поводу ландшафта. Он оказался мне приятным парнем. Мы вступили в разговор, и он сказал мне, что его фамилия — Айра Кэхил. Он сказал, что он занимался разведением персиков в Калифорнии. Мы обсуждали положение с фруктами на рынке и затем к нам присоединился другой человек, которого г-н Кэхил представил мне, как своего компаньона г-на Фитцпатрик.

Мили пролетали мимо, мы курили, г-н Кэхил предложил сыграть в бридж. Я равнодушный игрок, и я подозревал, что никто из моих случайных знакомых не был экспертом в этом деле. Я сказал, что я был бы рад сыграть по пенни за очко, что является моим лимитом, но Кэхил предпочитал по полцента. Один человек по ту сторону вагона читал «Омахскую Пчелу». Я набрался смелости спросить у него, не желал бы он присоединиться к нам. Он подозрительно взглянул на меня и покачал головой.

— Я не играю в карты с незнакомыми, — резко ответил он.

Это задело меня. Объяснив, что я писатель, я выудил из кармана свою визитную карточку и протянул ее ему. Оказалось, что он слышал обо мне, — читал мои произведения и он, очень вежливо, извинился. Я представил его г-ну Кэжил и г-ну Фитцпатрику. Он сообщил, что его имя было Чарльз Бригс из Толедо.

Мы сели, официант принес карты, и мы начали играть. Я нашел, что мои случайные знакомые не были ни в коем случае плохими игроками, как я это до некоторой степени ожидал. Бригс вел превосходную игру и большую часть времени мне выпало счастье быть его партнером.

В течение следующих двух дней мы были вместе утром, днем и вечером. Я помню, что, как только мы отъехали от Сакраменто, Бригс мой партнер в то время, сдав предварительно четыре или пять раз, отложил колоду в сторону, чтобы зажечь гитару.

Всю жизнь я слышал о редком счастье, когда выпадают первые пять карт, сданные в бридже, на которые ловкие шулеры предлагают держать пари и «ходить»; затем они принимают вызов и в конце концов выигрывают.

Мне ли надо было ходить? Эта мысль промелькнула в моем мозгу и у меня все закружилось перед глазами. Единственным человеком, слабо напоминавшем тип игрока, был мой партнер Бригс. Невозможно было подозревать в шулерстве любого из этих двух людей, разводящих персики. Однако, рассуждал я, они ведь были только мои дорожные знакомые. Если я должен ходить, то почему мне сдали карты, которые нельзя побить?

Я осторожно заметил, что у меня на руках очень хорошие карты. Фитцпатрик фыркнул и предложил мне держать пари на это. Бригс, закури́в сигару, казалось хотел продолжать сдавать. Фитцпатрик оставил его.

— Нет, подождите минутку, — сказал он, — если г-н Норрис думает, что у него хорошие карты, он может держать со мной пари. Я выставляю пять тысяч долларов и заявляю, что я готов побить его.

Он вытащил свой бумажник и, к моему изумлению, сосчитал деньги в крупных банкнотах.

— Милосердный Боже, — воскликнул я. — Вы возите с собой так много денег, когда вы путешествуете?

Он ответил, что получил их перед отъездом.

«Ну, — подумал я. — Я хожу, это так, но я не могу представить себе их игры. Как хотят они побить такие карты?»

— Я не стал бы держать пари на пять тысяч долларов, если бы у меня даже и было столько денег — сказал я. — Со мной только пара сотен, но в то же время, если бы у меня была бы тысяча, я рискнул бы поставить ее на имеющиеся у меня на руках карты.

— Ваш чек на эту сумму был бы достаточно хорош — уверил меня Фитцпатрик. — Если это вы серьезно решили, давайте поставим деньги на кон и будем продолжать игру.

— Прекрасно, — сказал я ему, — если вы рискуете на мой чек, то я рискну сразиться с вами.

— Сделано. — Он швырнул через стол тысячу долларов. — Ты будешь держать деньги, Кэхил, — сказал он, и я также протянул свой чек его партнеру.

— Идет, — сказал я — представление начинается. Я выложу перед вами карту за картой.

Я вытащил десятку пик с намерением положить ее на стол, лицом вверх, когда Кэхил положил свою руку на мою.

— Слушайте, — сказал он — я думаю, что вам не следует этого продолжать. Кто то проиграет и будет обижен. Ну, какая польза из этого? Мы провели так много приятного времени, с тех пор как мы познакомились, время, которое мы всегда будем помнить — и, я думаю, что вы совершаете большую ошибку.. Давайте объявим пари несостоявшимся; опустите ваши руки и будем продолжать бридж. Я знаю, что Фитцпатрик не сможет позволить себе потерять тысячу долларов. Может быть вы можете, — сказал он мне, — но я знаю, что вы не будете чувствовать себя особенно весело, если это произойдет.

Я поколебался. Фитцпатрик был также подавлен. Вмешался Бригс:

— Г-н Кэхил совершенно прав — заметил он. — Все это чепуха.

Он протянул руку и, взяв банкноты от Кэхила, отдал их Фитцпатрику. Затем он взял в руки мой чек и изорвал его на мелкие кусочки.

Я почувствовал большое облегчение. В конце концов эти люди не были все-таки шулерами; я был прав в своем суждении о них.

Затем мы с Фитцпатриком пожали друг другу руки. Мы засмеялись, а Фитцпатрик сказал, что он хотел бы, чтобы я когда ни-

будь приехал к нему домой и познакомился с его семьей.

Мы снова возобновили нашу игру в бридж и расстались в Сан-Франциско, тепло пожав друг друга руки на прощанье.

Через два дня я получил извещение из своего банка. Мой текущий счет стал на тысячу долларов меньше. Кэхил или Бригс должно быть подменили мой чек. Бумага, разорванная перед моими глазами, была пустым, незаполненным чеком какого то другого банка.

Г-н Бригс был прав. Теперь, когда я езжу в поездах, я тоже — как и он — никогда не играю в карты с незнакомыми.

ШЕРИФ КОНЫ

— Поневоле полюбишь этот климат — сказал Кодуорш в ответ на мой восторженный отзыв о берегу Коны. — Я приехал сюда восемнадцать лет назад совсем юношей, только что окончившим колледж. И с этих пор не уезжал, разве что изредка заглядывал на родину. Предупреждаю вас: если дорого вам какое либо местечко на земле — не мешкайте здесь слишком долго, а то этот уголок земного шара покажется вам всего дороже.

Мы только что отобедали на широкой террасе, единственной, обращенной на север, хотя при исключительном климате Коны это обстоятельство никакого значения не имеет.

Потушили свечи, и гибкий, одетый в белое слуга-японец, словно привидение скользнул в серебристом лунном сиянии, подал нам сигары и растаял во мраке бунгало. Сквозь листву банановых пальм и деревьев лежу а я глядел вниз, туда, где за зарослями гуавы раскинулось спокойное море: наш бунгало возвышался на тысячу футов над уровнем его. Целую неделю, с тех пор как я пошел на берег с крохотного багажного пароходика, я жил у Кедуорша и за все это время ветер не волновал безмятежной глади моря... Правда, дули легкие бризы но это были самые неж-

ные зефиры, когда либо веявшие летом над островами. Их нельзя было назвать ветрами: то были вздохи — протяжные, легкие благовошные вздохи отдыхающего мира

— Страна лотоса — сказал я.

— Где один день похож на другой и каждый день исполнен райского блаженства — отвечал он. — Никогда ничего не случается. Не слишком жарко. Не слишком холодно. Всегда в меру. Вы обратили внимание, как дышат по очереди земля и море?

Действительно, я подметил это упоительное, ритмическое дыхание. Каждое утро я наблюдал, как морской ветерок, поднимаясь у берега, обвевал землю нежной струей озона и медленно уходил к морю. Играя над морем, он слегка затемнял его поверхность, и всюду виднелись длинные полосы глади, изменчивые, переливчатые, струящиеся под капризными поцелуями ветра. А каждый вечер я видел, как замирало в небесном покое дыхание моря, и сквозь листву кофейных деревьев и бананов слышалось дыхание земли.

— Это страна вечного штиля — сказал я.

— Дует здесь когданибудь ветер? Дует ли по настоящему? Вы понимаете, что я говорю.

Кедуорш покачал головой и указал на восток.

— Как может он дуть, когда его останавливает такой барьер?

Высоко вздымались громады гор Мауна-Кеа и Мауна-Лоа, как будто заслоняя половину звездного неба. На высоте двух с половиной миль над нашими головами они возносили свои вершины, покрытые белым снегом, и тропическое солнце бессильно было его растопить.

Бьюсь об заклад, что в тридцати милях отсюда ветер в данный момент дует со скоростью сорока миль в час.

Я недоверчиво улыбнулся.

Кедуорш подошел к телефону на террасе. Он вызвал сначала Уаимеа, потом Кохала и Хамакуа. По обрывкам разговоров я понял, что ветер дует: „Налетает и сбивает с ног, да? И давно?... Всего неделю?... Алло, Эб, это вы?.. Да, да.... А вы все-таки разводите кофе на берегу Хамакуа... К чорту ваши щиты! Вы бы посмотрели на мои деревья!»

Ураган — сказал он, повесив трубку и оборачиваясь ко мне. — Я всегда вышучиваю Эба и его кофе. Его плантации тянутся на пятьсот акров, и он творит чудеса со своими щитами от ветра, но все же я не понимаю, каким образом он удерживает корни в земле. Дует ли там ветер? Да, со стороны Хамакуа всегда дует ветер. Кохала говорит, что шху-

на под двойными рифами пробивается вверх по каналу между Гавайи и Мауи, и ей приходится трудно.

— Как то не представляешь этого себе, — неуверенно сказал я. — Неужели какнибудь в обход сюда не может проникнуть хотя бы дуновение того ветра?

— Ни вдоха. Наш береговой ветер никакого отношения к нему не имеет, ибо начинается по эту сторону Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. Видите ли, земля излучает тепло быстрее, чем море, и ночью обвевает море своим дыханием. А днем земля нагревается сильнее, и тогда дышет море.... Слушайте! Вот поднимается дыхание земли. горный ветер.

Я слышал, как, приближаясь, он мягко шелестел в кофейных деревьях, шевелил листву баобабов и вздыхал в сахарном тростнике. На террасе все еще было тихо. Затем донеслось первое дуновение горного ветра, слабо-ароматное, душистое, пряное и прохладное, упоительно прохладное. То была ласкающая, хмельная прохлада, свойственная одному только горному ветру Кону.

— Вы удивляетесь, что я восемнадцать лет назад влюбился в Кону? — спросил Кедуорш. — теперь я не мог бы отсюда уехать.

Думаю, я бы умер. Во всяком случае это было бы ужасно. Был и еще один человек, кото-

рый любил Кону так же, как и я. Пожалуй, он любил ее еще больше, так как родился здесь, на этом побережье. Он был великий человек, лучший мой друг, больше чем брат мне. Но он уехал — и не умер.

— Любовь? — осведомился я. — Женщина? Кедуорш покачал головой.

— И никогда он не вернется, хотя сердце его остается здесь до самой смерти.

Он замолчал и поглядел вниз, на береговые огни Килауэа. Я молча курил и ждал.

— Он уже был влюблен... в свою жену. Трое детей у него было, и он их любил. Они живут теперь в Гонолулу. Мальчик поступает в колледж.

— Какойнибудь опрометчивый поступок? — нетерпеливо спросил я.

Он снова покачал головой.

— Ни в чем преступном он не был виновен, и ни в чем его не обвинили. Он был шерифом Коны.

— Вы хотите быть парадоксальным, — сказал я.

— Пожалуй, мои слова похожи на парадокс — согласился он. — Это сущее проклятие.

Секунду он смотрел на меня испытующе, затем неожиданно начал рассказ.

Он был прокаженным. Нет, он не родился с проказой: никто с ней не рождается. Болезнь настигла его. Этот человек... Э, да не все ли равно? Его звали Лайт Грегори. Всякий камаина знает эту историю. Родом он был американец, а сложен, как вожди старой Гавайи, ростом в шесть футов три дюйма. Чистого веса в нем было двести двадцать фунтов — все мускулы да кости, и ни на одну унцию жира. Он был самым сильным человеком, какого я когда либо знал — великан, атлет, Бог. И мой друг. А сердце и душа его были так же прекрасны, как и тело.

Интересно, что бы вы делали, если бы увидели своего друга, брата, на скользком краю пропасти. Он скользит, скользит — и вы не в состоянии ему помочь. Вот так и было. Я ничего не мог поделать. Я видел, что оно надвигается, и был бессилён помочь. Боже мой, что я мог сделать? Болезнь наложила знак зловещий и неопровержимый на его лоб. Никто не видел этого знака. Думаю, видел я один, потому что так его любил. Я не верил своим глазам. Слишком это было чудовищно. Однако знак на нем был — на лбу, на ушах. Я заметил, как припухли мочки ушей — чуть-чуть, совсем немного. Месяцами я наблюдал, надеялся, вопреки всему. Затем потемнела кожа над бровями — такое сла-

бое появилось пятнышко, словно легкий налет загара. Я бы и принял его за загар, но только оно иногда как то отсвечивало, — словно блеснет на секунду и угаснет. Я старался убедить себя, что это загар, но мне не удавалось. Я знал, что это значит. Никто не видел, кроме меня. Никто не подметил, кроме Стивена Калуны, но я тогда об этом не знал. Я видел, что оно надвигается—проклятие, — несказанный ужас, — но думать о будущем от казывался. Я боялся. Не в силах был думать. И по ночам плакал.

Он был моим другом. Вместе мы ловили акул на Ниихау. Гонялись за диким скотом на Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. На ранчо Картера объезжали лошадей и клячили быков. Охотились на коз в Халеакала. Он учил меня нырять и плавать в прибой. и наконец я почти сравнялся с ним в ловкости, а он был искуснее любого канака. Я видел, как он нырял на глубине тридцати ярдов и две минуты оставался под водой. В воде он чувствовал себя, как амфибия, а по горам лазил, как настоящий горец, взбираясь по тем тропинкам, где бродили дикие козы. Ничего он не боялся. Он находился на борту «Луги», потерпевшей крушение — проплыл тридцать миль в тридцать шесть часов при сильном волнении. Самые страшные волны, которые нас с вами превратили бы в кашу, были ему ни о чем. Он

был великим человеком — человек-бог. Вместе мы пережили революцию, и оба были верноподданными романтиками. Дважды он был ранен. Его приговорили к смерти, но не посмели убить такого великого человека. А он только смеялся. Впоследствии ему воздали по заслугам и назначили шерифом Коны. Он был человек простой — мальчик, который так и не сделался взрослым. И мыслительные его процессы протекали просто, без всяких вывертов. Он шел прямо к цели, а цель его всегда была проста.

Он был сангвиник. Никогда я не встречал таких доверчивых, довольных и счастливых людей. От жизни он ничего не требовал, так как ему нечего было желать. За жизнью у него не числилось недоимок. Авансом он получил наличными сполна. Чего еще было ему желать, раз он получил такое великолепное тело, железное здоровье, иммунитет против всех обычных болезней и смиренную, чистую душу? Физически он был совершенством. Ни разу в своей жизни не болел. Понятия не имел о том, что такое головная боль. Когда у меня болела голова, он глядел на меня с недоумением, а я невольно смеялся над его неуклюжими попытками мне посочувствовать. Головной боли он не понимал. Не мог понять. Сангвиник? Неудивительно. Мог ли

он — наделенный такой чудовищной жизненной силой и невероятным здоровьем — быть иным?

Приведу один пример, чтобы показать вам, как он верил в свою звезду и как оправдалась эта вера. . . Он был еще юнцом — мы только что встретились — когда сел играть в покер в Уаилуку. Среди игроков был один здоровенный немец, по имени Шульц, игравший заносчиво и грубо. Ему везло, и он стал совершенно невыносим, когда Лайт Грегори вошел в игру. Первым объявил игру Шульц, Лайт принял, как и все остальные, а Шульц заставил спасовать всех — всех, кроме Лайта. Лайту не понравился тон немца и он в свою очередь объявил игру. Шульц повысил, Лайт отвечал ему тем же. Так они и повышали — кто кого. Ставки были весьма высокие.

А знаете, какие карты были у Лайта? Два короля и три маленьких трефы. То не был покер. Лайт не в покер играл. Он играл в свой оптимизм. Он не знал, какие карты на руках у Шульца, но все повышал, пока Шульц не взвыл, а у него было на руках три туза. Подумайте только! Человек с парой королей составляет трех тузов брать прикуп.

Да, Шульц потребовал две карты; сдавал другой немец, к тому же друг Шульца. Тут Лайт уже знал, что играет против трех одинаковых карт. Что же он сделал? Что бы вы

сделали? Конечно, прикупили бы три карты, оставив двух королей. Но Лейт поступил иначе. Сбросил королей, оставил три маленькие трефы и прикупил две карты. Он даже не поглядел на них, а смотрел на Шульца и ждал, чтобы тот объявил игру. И Шульц объявил игру крупную. Раз у него было три туза, он знал, что победит Лайта, так как если Лайт и держал три одинаковых карты, то во всяком случае они были меньше тузов. Бедняга Шульц! Все его предположения были совершенно правильны. Ошибочным было лишь его заключение, что Лайт играет в покер. В продолжение пяти минут они повышали ставки, и, наконец, уверенность Шульца начала испаряться. А Лайт до сих пор не взглянул на свой прикуп, и Шульц это знал. Я видел, как он задумался, затем оживился и снова повисил ставку. Наконец не выдержал напряжения.

— Стойте, Грегори, — сказал он наконец. — Я обыграл вас с самого начала. Не нужно мне ваших денег. У меня на руках...

— Все равно, что бы у вас там ни было, — перебил Лайт. — Вы не знаете, что у меня. Пожалуй, я посмотрю.

Он посмотрел и повисил ставку еще на сто долларов. Опять они стали повышать по очереди, наконец Шульц спасовал и открыл

свои три туза. Лайт выложил свои пять карт — все одной масти: в прикупе были еще две трефы. А знаете, ведь он испортил Шульца. Тот уже не мог попрежнему играть в покер — смелости не стало; он начал нервничать, колебаться

Вот каков был Лайт. Быть может, этот пример даст вам возможность оценить его безграничный оптимизм. По его мнению, ему так и полагалось — преуспевать, процветать и благоденствовать. И в данном случае, как и в десятке тысяч других, уверенность его была оправдана. В том то и дело, что он преуспевал и благоденствовал. Вот почему он ничего не боялся. Ничего не могло с ним случиться. Он это знал, ибо никогда и ничего с ним не случалось. Когда погибла «Луга», он проплыл тридцать миль и в воде провел две ночи и день. И за это время ни на минуту не потерял надежды, ни на минуту не усомнился в спасении. Он знал, что выберется на сушу. Так он мне сам сказал, и я знаю, что это правда

Да, таков был Лайт Грегори, человек иной породы, возвышавшийся над простыми хилыми смертными, не ведавший болезней и невзгод. Он получал все, чего хотел. Жену — красавицу из семьи Карутерс — он отбил у дюжины соперников. Она ему была хорошей

женой—второй такой и не сыщешь. Он хотел иметь сына — и получил его. Пожелал дочь и второго сына — тоже получил. И дети вышли крепкие, без всяких физических недостатков — грудные клетки словно маленькие боченки; они унаследовали его здоровье и силу.

Вот тогда то и пришла беда. На него было наложено клеймо зверя. Целый год я наблюдал. Сердце у меня надрывалось. Но он не знал, да и никто не догадывался, кроме этого проклятого хапа-хауле, Стивена Калуны. Тот знал, но я и не подозревал этого. Знал еще один человек — доктор Струбридж. Он был окружным врачом и зорко подмечал малейшие признаки проказы. Видите ли, в его обязанности входило освидетельствование подозрительных больных и отправка их на приемочную станцию в Гонолулу. И у Стивена Калуны наметался глаз на проказу. Болезнь свирепствовала в его семье, и четверо или пятеро его родственников были уже отправлены на Молокаи.

Все началось из-за сестры Стивена Калуны; когда на нее упали подозрения, брат спровадил ее в укромное местечко, раньше, чем она попала в руки доктора Струбриджа. Лайт, как шериф Коны, обязан был ее разыскивать.

В тот вечер все мы собрались в Хило, в баре Нэда Остина. Когда мы вошли, Стивен Калуна был уже там, Он слегка подвыпил и настроен был сварливо. Лайт смеялся над какой то шуткой — здоровый, счастливый смех мальчика-великана. Калуна презрительно сплюнул. Лайт, как и все остальные, заметил это, но решил не обращать внимания. Калуна искал ссоры. Личным оскорблением он считал старание Лайта разыскать его сестру. Всячески проявлял он свое неудовольствие по поводу присутствия Лайта, но тот его игнорировал. Должно быть, Лайту было чуточку его жалко, ибо самой тяжкой обязанностью шерифа был арест прокаженных. Не очень то приятно было врыватья в дом и уводить отца, мать или ребенка, ни в чем не провинившихся, а затем отправлять их в вечную ссылку на Молакаи. Конечно, это было необходимо для охраны общественного здоровья, и, думаю, Лайт первый арестовал бы родного отца, если бы возникли подозрения.

Наконец, Калуна не выдержал и крикнул:

— Слушайте, Грегори, вы думаете, что вам удастся разыскать Каланиуэо? Ошибаетесь!

Каланиуэо — так звали его сестру. Лайт, услышав свое имя, взглянул на него, но ничего не ответил. Калуна взбесился. Все время он себя взвинчивал.

— Знаете, что я вам скажу? — закричал он.
— Вы сами попадете на Молокаи раньше, чем вам удастся затащить туда Каланиуэо. Я вам скажу, кто вы такой. Вы не имеете права сидеть в компании честных людей. Очень уж вы разболтались о своем долге. Много прокаженных вы отправили на Молокаи, все время зная, что место ваше — там.

Не раз я видел Лайта в гневе, но такой ярости еще не видывал. Как вам известно, проказой у нас не шутят. Лайт одним прыжком очутился подле Калуны, вцепился к нему в шею, стащил со стула и с бешенством начал его трясти, — так что у полукровки зубы застучали.

— Ты что хотел сказать? — кричал Лайт.
— Выплювай живей, а то я из тебя вытряхну правду.

Как вам известно, на Западе есть одна фраза, которую следует произносить с улыбкой. Так и у нас на островах, но только наша фраза касается проказы. Калуна, может, и дурной человек, но отнюдь не трус. Как только Лайт слегка разжал руку, Калуна отвечал:

— Я скажу тебе правду: ты сам — прокаженный.

Тут Лайт швырнул полукровку на стул, не причинив ему вреда, и от всей души расхо-

хотался. Но смеялся он один. Заметив это, он оглядел нас всех. И подошел к нему и старался его увести, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. Он словно зачарованный смотрел на Калуну, который торопливо, нервно тер себе шею, как будто пытаюсь смахнуть заразу, оставленную душившими его пальцами. Это были движения непривычные, искренние.

Лайт снова оглядел всех, медленно переводя взгляд с одного лица на другое

—О, Боже мой, ребята! О, Боже мой!—сказал он.

Он едва выговорил эти слова хриплым испуганным шопотом. Страх сдавил ему горло, а я думаю — доселе он не ведал, что такое страх.

Наконец, его безграничный оптимизм одержал верх, и он снова рассмеялся.

— Славная шутка — кто бы ее ни придумал, — сказал он. — Выпивка за мой счет. На секунду я струхнул. Только, ребята, не повторяйте этого ни с кем. Слишком это серьезно. Уверяю вас, за одну секунду я словно тысячу раз умирал. Подумал о жене, о детях, и..

Голос его оборвался, а полукровка, все еще потиравший себе шею, отвел глаза. Лайт был смущен и расстроен.

— Джон, — сказал он, поворачиваясь ко мне.

Его веселый, громкий голос звучал в моих ушах, а я не в силах был ему ответить. Слезы душили меня; к тому же я знал, что по моему лицу он может догадаться.

— Джон, — повторил он, подходя ко мне.

Он окликнул меня робко; что могло быть ужаснее робости, дрожавшей в голосе Лайта Грегори?

— Джон, Джон, что это значит? — сказал он, а голос его звучал еще неувереннее. — Ведь это шутка, да? Джон, вот моя рука. Разве я протянул бы тебе руку, если бы был прокаженный? Разве я — прокаженный, Джон?

Он протянул мне руку, — и чорт возьми, чего мне было бояться? Он был моим другом. Я взял его руку, хотя сердце у меня сжалось, когда я увидел, как просветлело его лицо.

— Это была шутка, Лайт, — сказал я. — Нам вздумалось над тобой подшутить. Но ты прав. Такими вещами не шутят. И больше это не повторится.

На этот раз он не рассмеялся, а только улыбнулся, как человек, очнувшийся от страшного сна и еще не отделавшийся от тяжелого впечатления.

— Ну, ладно, — сказал он. — Не повторяйте, а я позабочусь о выпивке. Должен признаться, ребята, что вы меня на минутку опустили в самое пекло. Посмотрите, как я вспотел.

Он вздохнул, вытер потный лоб и двинулся к стойке.

— Это не шутка, — резко сказал Калуна.

Я бросил на него убийственный взгляд и готов был пристукнуть его на месте. Но не посмел ни заговорить ни ударить. Это только ускорило бы катастрофу, а я лелеял еще безумную надежду какнибудь ее предотвратить.

— Да, не шутка, — повторил Калуна. — Лайт Грегори, вы — прокаженный и не имеете права прикасаться к телу честных людей... к чистому телу честных людей.

Тут Грегори вскипел.

— Шутка зашла слишком далеко! Перестань, Калуна! Говорю тебе перестань, а не то я тебя приколочу.

— Сделайте бактериологическое исследование, — отвечал Калуна, — а тогда уже бейте меня, — до смерти, если пожелаете. Да вы бы хоть в зеркало на себя поглядели. Сами увидите, как любой из нас... У вас делается львиное лицо. Смотрите, как потемнела кожа над глазами.

Лайт взглядывался в зеркало, и я заметил, как дрожали у него руки.

— Ничего не вижу, — сказал он, наконец; затем повернулся к хапа-хаоле. — У тебя черное сердце, Калуна. И я не стыжусь сознаться, что ты испугал меня так, как ни один человек не имеет права пугать другого. Я ловлю тебя на слове: немедленно пойду и выясню этот вопрос. Пойду прямо к доктору Струбриджу. А когда вернусь, — берегись.

Не глядя на нас, он направился к двери.

— Подожди здесь, Джон, — сказал он, когда я вызвался его проводить.

Мы застыли на месте, словно призраки.

— Это правда, — сказал Калуна. — Сами можете видеть.

Все поглядели на меня, а я кивнул головой. Гарри Бернлей поднес было стакан к губам, но тотчас же опустил его. Половину он расплескал на стойку. Губы у него дрожали, как у ребенка, готового расплакаться. Нэд Остин рылся, доставая что то из ледника. В действительности же ничего там не искал и вряд ли сознавал, что делает. Все молчали. Губы Гарри Бернлея задрожали еще сильнее, Вдруг он рассвирепел и злобно ударил Калуну кулаком по лицу. Тот в долгу не остался. Мы не пытались их разнять. Какое нам было дело? Пусть убивает полукровку. Колотил он

его изрядно. Нас это не интересовало. Я даже не помню, когда Бернлей отпустил беднягу и разрешил ему уползти. Мы все были слышном потрясены.

Впоследствии доктор Стробридж рассказал мне, как это произошло. Он засиделся до позднего вечера над докладом, и в это время Лайт вошел в его кабинет. Лайт уже обрел свой оптимизм: вошел, раскачиваясь, в комнату, и хотя сердился чуточку на Калуна, но в себе был совершенно уверен. „Что мне было делать?“ — спросил меня доктор. — Я знал, что он болен. Несколько месяцев следил, как развивалась болезнь. Но ответить ему я не мог. Не в силах был сказать, — да. Признаться, я не выдержал и расплакался. А он молил меня сделать бактериологическое исследование. «Отщипните кусочек кожи, доктор, — повторил он снова. — Отщипните кусочек и сделайте исследование».

Должно быть, слезы доктора Стробриджа убедили Лайта. На следующее утро «Клодина» уходила в Гонолулу. Мы поймали его уже по дороге на пристань. Видите ли, он отправлялся в Гонолулу, чтобы явиться во Врачебное управление. Мы ничего не могли с ним поделать. Слишком многих отослал он на Молокаи, чтобы самому теперь увиливать. Мы убеждали его ехать в Японию, но он и слушать не хотел.

— Должен принимать свое лекарство, ребята, — вот все, что он нам сказал. И повторял это снова и снова. Он был одержим этой одной мыслью.

Он покончил со всеми своими делами и с приемочной станции Гонолулу отправился на Молокаи. Там он чувствовал себя неважно. Врач, проживающий на Молокаи, писал нам, что Лайт превратился в ходячую тень. Видите ли, он тосковал по жене и детям... Он знал, что мы о них заботимся, но все-таки ему было горько. Месяцев через шесть я отправился на Молокаи. Я сидел по одну сторону зеркального окна, а он — по другую. Мы смотрели друг на друга через стекло и переговаривались с помощью так называемой разговорной трубы. Но я так ничего и не добился. Он твердо решил остаться. Битых четырех часа я его уговаривал и под конец выбился из сил, да и пароход мой давал свистки.

Но примириться с этим мы не могли. Спустя три месяца мы зафрахтовали шхуну «Альциона», контрабандой провозившую опиум. Под парусами она летела как птица. Хозяин ее, отчаянный сорви-голова, за деньги готов был на все, а мы предложили ему хорошую сумму за рейс в Китай. Он отплыл из Сан-Франциско, а через несколько дней мы вышли в море на шлюпе. То было маленькое

суденьшко вместимостью в пять тонн, но мы неслись на северо-восток, против ветра, со скоростью десяти миль в час. Морская болезнь? Никогда еще мне не приходилось так сильно от нее страдать. Потеряв из виду землю, мы встретили «Альциону», и я с Бернлеем перебрались на борт шхуны.

Около одиннадцати часов вечера мы подошли к Молокаи. Шхуна легла в дрейф, а мы на вельботе пристали во время прибоя в Калауао; знаете это местечко — там умер отец Дамиэн. Этот сорви-голова был храбрецом: захватив пару револьверов, он отправился с нами. Мы пересекли полуостров, пройдя около двух миль до Калаупана. Представьте себе: глухая ночь и эти поиски в поселке среди тысячи прокаженных. Вы понимаете — если бы поднялась тревога, нас бы прикончили. Местность незнакомая, тьма — хоть глаза выколи. Выскочили собаки прокаженных, стали на нас лаять, а мы, спотыкаясь, бродили вокруг, пока не заблудились

Сорви-голова спас положение. Он направился к первому дому, стоящему особняком. Мы заперли дверь и зажгли свет. Там было шесть прокаженных. Мы разбудили их, и я обратился к ним на их языке. Мне нужен был кокуа. Кокуа в буквальном переводе означает — помощник, туземец, не зараженный

проказой, который живет в поселке и получает жалованье от Врачебного управления; в его обязанности входит уход за прокаженными, перевязка язв и тому подобное. Мы остались в доме, чтобы не упускать из виду его обитателей, а сорви-голова, прихватив одного из прокаженных, отправился розыскивать кокуа. Он нашел его и под дулом револьвера заставил итти за собой. Но кокуа оказался молодцом. Сорви-голова остался сторожить дом, а Бернлея и меня кокуа повел к Лайту. Лайт жил один.

— Я так и думал, ребята, что вы приедете, — сказал Лайт. — Не прикасайтесь ко мне, Джон. Ну что, как Нэд, Чарлей и вся наша компания? Ладно, после расскажете. Теперь я готов за вами итти. Девять месяцев я здесь прожил. Где лодка?

Мы пустились в обратный путь, а по дороге зашли за сорви-головой. Тем временем поднялась тревога. В домах зажигались огни, хлопали двери. Мы условились стрелять лишь в случае крайней необходимости, и, когда нас задержали, мы пустили в ход кулаки и ручки револьверов. Я сцепился с одним огромным парнем и никак не мог его отогнать, хотя дважды ударил его кулаком по лицу. Мы вступили в рукопашный бой, упали и катались по земле, не выпуская друг

друга. Он начал меня одолевать, как вдруг кто то подбежал с фонарем. Тут я увидел его лицо. Как выразить словами этот ужас? То было не лицо, а какая то стертая или стирающаяся маска — заживо разлагающаяся плоть, — маска без носа, без губ, с распухшим уродливым ухом, свисающим на плечо. Я обезумел. А он так близко прижал меня к себе, что его ухо коснулось моего лица. Тут я потерял голову. Слишком это было ужасно. Я стал бить его револьвером. Не знаю, как это случилось, — но едва я от него освободился, как он вцепился в меня зубами. Этот беззубый рот впился, присосался к моей руке. Тогда я ударил его ручкой револьвера по переносице, и зубы его разжались.

Кедуорш протянул руку, и при свете луны я мог разглядеть шрамы. Казалось, рука была искутана собакой.

— Вы испугались? — спросил я

— Испугался. Семь лет я ждал. Как вам известно, инкубационный период длится семь лет. Ждал здесь, в Конне, — и не заболел. Но в течение этих семи лет не было ни одного дня, ни одной ночи, когда бы я не думал... не думал обо всем этом... — Голос его оборвался; он обвел взглядом купающиеся в лунно свете море и снежные вершины гор. — Невыносима была мысль потерять все это,

никогда больше не увидеть Конны. Семь лет! Проказа меня не тронула. Но вот почему я остался холостяком. У меня была невеста. Жениться я не смел, пока не рассеялись сомнения. Она не поняла. Уехала в Соединенные Штаты и вышла замуж. С тех пор я ее не видал... Эдва я разделался с прокаженным, как послышался стук копыт, словно при кавалерийской атаке. То мчался сорви-голова. Он испугался переполоха и заставил прокаженных, которых сторожил в доме, оседлать четырех лошадей. Мы готовы были следовать за ним. Лайт расправился с тремя кокуа, а затем мы вместе освободили Бернлея от парочки наседавших на него людей. а когда мы обратились в бегство, кто то начал стрелять в нас из винчестера. К тому времени весь поселок был на ногах; Должно быть, то был Джэк Мак-Вей, старший надсмотрщик на Молокаи

Ну, и скачка же была! Прокаженные лошади, прокаженные седла, прокаженные поводья, тьма — хоть глаза выколи, да и дорога не из лучших! А сорви-голова ездить верхом не умел, и вместо лошади у него был мул. Все-таки мы добрались до вельбота и, отчаливая, слышали, как лошади из Калаупана спускались с холма...

— Вы едете в Шанхай. Загляните к Лайту Грегори. Он состоит на службе у одной немецкой фирмы. Угостите его обедом. Закажите вино. Дайте ему все самое лучшее, но пусть он ни за что не платит. Счет пришлите мне. Его жена и дети живут в Гонолулу, и деньги ему нужны для них. Я это знаю. Большую часть жалования он посылает им, а сам живет отшельником. И расскажите ему о Конне. Здесь он оставил свое сердце. Расскажите ему все, что знаете о Конне.

ДЕБЮТ ҒИМБАШИ ИОЙСЕ

Случай, о котором мы рассказываем, относится к эпохе движения «махдистов», и именно к тому времени, когда партизанские отряды приверженцев Махди, выйдя из страны Великих Озер и Дафруа, успешно проникли в пограничную полосу с Египтом. Инсurreкция к этому времени, как казалось, достигла крайнего своего напряжения и по многим верным признакам, можно было рассчитывать, что махдистские отряды вскоре перейдут к отступлению. В это время в Каире сосредоточенно работали. Все было подготовлено к экспедиции. Наступил момент, когда цивилизация на блиндированных поездах могла проникнуть в страны юга, свинцом и сталью подавляя восстание.

Главный организатор рассмотрел, подготовил и устроил в этой экспедиции все до малейших деталей; военачальник воспользовался всеми своими знаниями и израсходовал большую часть громадных сумм, предоставленных в его распоряжение. Однажды ночью оба эти человека встретились в последний раз. Военачальник пожал своему другу руку и исчез, чтобы привести в исполнение возложенную на него миссию. Это про-

изошло в то самое время, когда «бимбаши» Гилари Иойсе был отчислен из стрелков королевства Моллов, временно прикомандирован к Суданскому 9-му стрелковому полку и в первый раз появился в Каире.

Он прибыл в сопровождении четырех железных сундуков, в которых помещался его багаж, сабли работы Винкинсона, револьвера, последнего образца, вышедшего из мастерских Бонда, и экземпляра «Руководства к изучению арабского языка», составленного Грееном. Снабженный всеми этими предметами и, чувствуя, что в его жилах течет молодая кровь, он был самоуверен, как победитель.

Генерал несколько его смутил; он слышал об его строгом отношении к молодым офицерам; молодой офицер был уверен, что преодолеет все затруднения. Оставив свой багаж в отеле Шефеарда, он отправился представиться начальнику штаба

Его принял не генерал, а начальник разведочного бюро, так как генерал находился в отъезде по какому то секретному делу.

Гилари Иойсе стоял перед офицером небольшого роста и толстяком, обладавшим мягким голосом, говорившим тихо и спокойно.

— Я был извещен о вашем прибытии, — сказал он — и весьма сожалею, что вы не

можете представиться генералу. Вам, вероятно, известно, что он отправился на границу.

— Мой полк находится в Вади-Гальфа. Вероятно я должен немедленно отправиться в полк.

— Вовсе нет. Мне поручено передать вам приказания.

Он подошел к карте, висевшей на стене, и, указывая концом сигаретки на пункт, сказал:

— Видите эту точку; это оазис Куркур. Он находится в местности очень спокойной. Там вы встретите роту вашего полка и пол-эскадрона. Вы примете командование ими.

Гилари Иойсе взглянул на указываемый пункт, который находился на пересечении двух черных линий. На пространстве двух сантиметров на карте не было ни одного условного знака.

— Это деревня? — спросил он.

— Нет, это колодезь. Вода может быть не вполне удовлетворительного качества; впрочем, вы скоро привыкните к сладковатой воде.

— Назначение вверенного мне отряда, несомненно, отражать набеги, наезды?

— С своей стороны, я должен вам заявить, что этого вам не приходится опасаться. Вы

назначаетесь с единственной целью перехватывать всех гонцов, рассыльных и путешественников, которые будут останавливаться у колодезя. Вам эта местность, конечно, незнакома, а потому вы должны изучить ее возможно тщательнее. Я также должен вам сообщить, что в местном населении царит сильное недовольство, и что калиф изыскивает все способы, чтобы войти в сообщение с своими партизанами. Обратите внимание! Сеннуси пребывает здесь. — и он концом сигаретки указал место на карте по направлению к востоку. — Вероятно калиф пошлет к нему эмиссара по этой дороге. Но как бы там ни было, наша обязанность удостовериться в каждой личности, которая появится в этих проходах, и вы можете ей возвратить свободу только в том случае, когда получите о ней вполне достоверные сведения. Вы говорите по арабски?

— Я только что стал изучать этот язык.

— Это хорошо, у вас будет время продолжать его изучение на месте, но помимо того, при вас будет находиться один из туземных офицеров, некий Али, который говорит по английски, и будет вам служить переводчиком. Итак, до свидания. Я передам генералу, что вы к нему являлись.

Бимбаши в тот же день отправился по железной дороге до Болиони, а отсюда на построме судне до Ассуана. Два дня он провел на спине веблюда, пересекая Либийскую степь. Его, в качестве охранителя, сопровождал араб, три верблюда-носильщика тащили багаж, благодаря чему караван подвигался с раздражающей медленностью. На третий вечер, когда караван поднялся на одну из высот долины, черневшую словно огромная гора камней, и которая носила название Джебел-Куркур, Гилари Иойсе увидел вдали группу пальм. Это нежно-зеленое пятно среди однообразной песчаной пустыни, по которой ему пришлось ехать, произвело на него чарующее впечатление. Час спустя он уже вступал в свой маленький лагерь. Отряд выстроился для встречи своего начальника, и туземный офицер приветствовал его с пожеланием всего хорошего на английском языке. Бимбаши принял начальство.

С наступлением прохлады бимбаши произвел смотр своим плечистым суданцам на тонких ногах, с веселыми лицами, лоснившимися под их *bonnets de police*, весьма причудливого вида.

Иойсе был стрелок и вообще прекрасно владел оружием, что всегда вызывало уважение в неграх, и таким образом он вскоре приоб-

дел среди них популярность. Но дни тянулись с удивительным однообразием. Время еды, порядок службы, занятий, пища... ничто не изменялось. К концу третьей недели ему казалось, что он здесь провел нескончаемое число лет. Но вдруг произошло одно событие, нарушившее это нестерпимое однообразие.

Однажды вечером, когда солнце уже спускалось на горизонте, Гилари Иойсе отправился на прогулку верхом по пути, по которому с давних пор ходили караваны.

Эта дорога проходила между скалами и привлекла его внимание; ознакомившись с местностью по карте, он решил, что она проникает в самое сердце Африки. Он мысленно спрашивал, кем и сколько лет тому назад мог быть проложен этот путь для сообщения с югом, как вдруг, подняв глаза, заметил человека, который шел ему навстречу.

Незнакомец был одет в развевающиеся одежды араба. Это был человек высокого роста с гигантским тюрбаном на голове, который придавал ему еще больше роста. Он шел быстро, высоко подняв голову и тою смелую походкою, которая обличает человека, чуждого страха.

Кто бы мог быть этот грозный великан, шедший неизвестно откуда и куда? Быть может, это передовой скороход, посланный от воору-

женного копьями войска дикарей? Откуда, наконец, он идет? Ближайший колодезь находился в расстоянии ста миль. Но не в этом дело; охраняющий Куркур пост не может допустить подобных визитов. Гилари Иойсе повернул коня, прищпорил его, галопом доскакал до лагеря, ударил тревогу и направился на разведку во главе отряда из двадцати кавалеристов.

Несмотря на такие гостеприимные приготовления, неизвестный продолжал свой путь, Правда, в ту минуту, когда он увидел кавалерию, он пришел в некоторое замешательство, но затем, сознавая, что всякая попытка бежать будет бесполезна, видимо решил идти вперед **сохраняя** наружное спокойствие

Вопреки всеобщим ожиданиям, он не проявил ни малейшего сопротивления, когда солдаты схватили его за плечи, и продолжал с невозмутимым видом идти между лошадьми вплоть до самого лагеря

Вскоре высланные разъезды возвратились обратно, донося своему офицеру, что они нигде не встретили ни малейших следов деревни, несмотря на самые тщательные разведки. Это еще более озадачило и заинтересовало молодого офицера.

Неизвестный, оказалось, был одинок, но недалеко от дороги валялся труп только что

павшего верблюда-скорохода лучшей породы. Таким образом тайна внезапного появления араба вполне разъяснилась, но мотивы его появления у поста, цель его путешествия, место, откуда он выехал, являлись главнейшими вопросами для столь усердного по службе офицера, как наш бимбаши, и он решил все эти вопросы выяснить немедленно.

Гилари Иойсе был сильно разочарован тем, что не оказалось поблизости дервишей. Ему предстоял прекрасный случай отличиться по службе в Египетской армии; был бы шанс начать бой с этими копьеносцами под личным командованием и весь успех дела был бы приписан ему одному. Он бы сумел воспользоваться обстоятельствами, распорядиться как следует и заслужил бы в глазах своего начальства репутацию способного и боевого офицера и притом, как начальник самостоятельного отряда. Но что делать, все-таки счастье ему улыбается; теперь он может выделиться как офицер, умеющий производить разведки, и выделиться в глазах такого строгого генерала, который никогда не оставляет без награды полезную деятельность своих подчиненных, также как никогда не прощает их малейшие упущения или промахи. Одежда пленника указывала, что это важное лицо. Иойсе облил себе голову холодной

водой, выпил чашку кофе и созвал под акацию совет для допроса пленника и суда над ним.

Он был очень доволен, что заседает в качестве председателя, что позади его стула стоят на вытяжке два черных ординарца, а сбоку сидит туземный офицер. Он сидел за складным столом, к которому подвели под строгим караулом пленника. Иойсе пристально взглянул на этого красивого человека с серыми глазами и с длинной черной бородой.

— Чорт возьми! — воскликнул Иойсе, — этот негодяй, кажется, делает мне гримасы.

Действительно, по лицу пленника пробежали какие то странные конвульсии, но затем его лицо приняло прежний спокойный и величавый вид, столь свойственный арабам чистой крови и высокого общественного положения.

— Спросите его, с какой целью он сюда шел?

Офицер-туземец повторил вопрос; пленник ничего не ответил, по его лицу снова пробежали нервные судороги.

— А, презренный негодяй! — вскрикнул Гилари Иосе. — Он продолжает нас дразнить... Кто вы такой?.. Собака!.. Отвечайте же мне, кто вы такой?... Слышите-ли?

Но араб, повидимому, не понимал ни по-арабски, ни по-английски. Снова переводчик стал предлагать ему вопросы, прибегая к жестукуляции, чтобы быть лучше понятным. Пленник продолжал молчать; но временам он пристально вглядывался в Иойсе и делал ему гримасы, причем упорно не раскрывал рта. Бимбаши в досаде чесал затылок.

— Послушайте, Магомет-Али, нам необходимо добиться от этого негодяя удовлетворительного ответа. Вы говорите, что при нем не оказалось никаких бумаг?

— Да, мы его обыскали, но ничего не нашли.

— Неужели ничего, ничего, повидимому, не значащего, что могло бы послужить нам каким либо указанием, навести на след.. .

— Одно достоверно, это то, что он пришел из далека. Наверное он прибыл из Данголы.

— Однако надо во что бы то ни стало добыть у него ответы.

— Быть может, он глухонемой!

— Может быть, но я никогда в жизни не встречал по внешнему виду столь интеллигентного человека.

— Мы можем от него избавиться, отослав его в Ассуан.

— И таким образом предоставить приз в распоряжение других! Очень вам благодарен, но я на это не согласен. Эту птицу я сам поймал. Но как его заставить развязать свой язык?

Темные глаза египтянина окинули лагерь и остановились на пылающем в походной кухне огне.

— Может быть, вы согласитесь на...

Он указал глазами на пленника и затем перевел их на сверкающий огонь.

— Нет, нет, только не это! Это значило бы, действительно, что называется, зайти слишком далеко.

— Ну, важность не велика, зато мы уже, наверное, развяжем ему язык.

— Нет, я этого не хочу. В здешних странах это никого не возмутит, но если когда-либо об этом узнают в Tlest Street'e!... Но тем не менее мы можем этим воспользоваться, как угрозой.

— Вы правы.

— Прикажите нашим людям снять с него «голеабах» и раскалить на огне подкову.

Приказание бимбаши стали приводить в исполнение.

Пленник не только не высказал ни малейшего страха, но даже принял веселый вид. Он

не двинул и бровью, когда к нему подошел туземный сержант, держа на двух штыках-саблях раскаленную до красна подкову.

— Будете вы теперь отвечать? — вскрикнул начальник с яростью, которую и сам в себе не подозревал.

Пленник спокойно улыбнулся и провел рукой по своей черной бороде.

— Ну, его к чорту этот опыт! — вскричал Иойсе, весь красный от гнева.—Он, кажется, прекрасно понимает, что эта угроза не будет приведена в исполнение. Но я имею право и желаю им воспользоваться, я его выдеру. Вы можете ему передать от моего имени, что если он не заговорит к завтрашнему утру, то я ему сорву кожу со спины, и это так же верно, как то, что мое имя Иойсе.

Переводчик передал по-арабски приказание бимбаши.

— Теперь, мой милый, — обратился бимбаши к пленнику, — вы можете отправиться спать. Мое распоряжение сулит вам спокойную ночь.

Пленника под строгим караулом отвели в лагерь, где ему дали на ужин горсть рису и немного воды.

Гилари Иойсе в сущности был добрый человек. Он провел скверно ночь, его тревожила мысль, что завтра придется подвергнуть

этого несчастного бичеванию. По временам он себя успокаивал тем, что при виде подготовлений к наказанию пленник заговорит, но затем он приходил в отчаяние и считал себя презренным, если наказание будет исполнено и несчастный окажется глухонемым. Эта гипотеза настолько поколебала его решение, что на утро наступившего дня он уже готов был этого загадочного путешественника отправить в Ассуан, не подвергая его экзекуции. Там с ним справятся по своему усмотрению, а он успокоит свою совесть. Он еще лежал в своей постели, размышляя, на чем остановиться, как в его палатке неожиданно появился Магомет-Али.

— Бимбаши! — вскричал он. — Пленник бежал!

— Бежал?

— Да! И на вашем верблюде-сороходе. Он прорезал полотно в палатке, в которой был заключен, и исчез, едва только стало рассветать.

Бимбаши не стал терять время в напрасных сетованиях, укорах, он принялся тотчас же и энергично действовать. Прошло всего четыре-пять минут, как разъезды уже рыскали по тропинке, а разведчики отыскивали в песках следы верблюда. Однако следов не нашли, человек исчез, словно канул в воду.

Сильно досадуя, Гилари Иойсе донес о всем случившемся рапортом, который послал с курьером в Ассуан. Пять дней спустя лаконическое приказание главного начальника приглашало его явиться немедленно в главную квартиру. Зная строгое отношение к делам службы своего начальника, он не мог не страшиться.

Не заботясь прифрантиться и несколько отдохнуть от переживаемой им тяжелой тревоги, он едва приехал, как в тот же вечер отправился в главную квартиру и представился начальнику.

За столом с разбросанными на нем картами и разными служебными бумагами сидел генерал, а позади его стоял начальник разведочного бюро.

— Насколько я понял, капитан Иойсе,—обратился генерал, — вы выпустили из рук и дали возможность скрыться пленнику, который имел для нас весьма важное значение.

— Я крайне огорчен, генерал.

— Я в этом уверен, но это ничуть не помогает делу. Узнали ли вы, кто он такой, и его намерения до его побега?

— Нет, генерал.

— Отчего?

— Несмотря на все мои старания, я не мог добиться от него ни одного слова.

— Приняли ли вы для этого нужные меры?

— О, да, генерал, могу вас заверить! Я угрожал ему применить силу.

— Что же он вам ответил?

— Ничего не отвечал, генерал.

— Его внешний вид, признаки?

— Это человек высокого роста и, видимо, с таким закаленным характером, что способен вынести всякую пытку.

— Обратили ли вы внимание на черты его лица, можете ли вы его узнать?

— Он носит длинную бороду, глаза у него серые, лицо его страдает тиком.

— Итак, капитан Иойсе,—сказал твердым и строгим голосом генерал, — не могу вас поздравить с вашим первым подвигом в Египетской армии. Вам, несомненно, известно, что на этот корпус назначаются отборные офицеры, люди, строго относящиеся к обязанностям службы. Я выбирал своих подчиненных из всей британской армии и потому должен иметь в них деятельных и умелых сотрудников. Я был бы неправ перед вашими товарищами, если бы снисходительно относился к недостатку в них рвения и к их служебным промахам. Вы к нам прибыли, кажется, из полка королевства Моллов.

— Да, генерал.

— В виду хорошей аттестации о вас, надо полагать, что ваш полковник будет весьма

польщен тем, что я вас откомандирую обратно в полк.

Шари Иойсе был в таком угнетенном состоянии, что не находил возражений; казалось его охватил столбняк.

— Завтра вы узнаете мое окончательное решение, — сказал генерал.

Иойсе поклонился по-военному и повернулся на каблуках.

— Теперь, мой милый, вы можете отправиться спать. Мое распоряжение сулит вам спокойную ночь, — сказал генерал в то время, когда капитан удалялся.

Иойсе обернулся в изумлении. Где то он слышал эти слова, они ему памятливы... Кто их произнес?

Генерал стоял; он и начальник разведочной службы покатывались со смеху. Иойсе внимательно всматривался в этого человека высокого роста, сильного сложения с пронизывающим взглядом серых глаз,

— Бог ты мой! — воскликнул он невольно.

— Итак, капитан Иойсе, я полагаю, что мы сквитались, — сказал генерал, протягивая ему руку. — Вы меня заставили провести отвратительные четверть часа в близком соседстве с этой дьявольской подковой, раскаленной до бела, я вам возвратил эти минуты, и теперь возвращаться вам в полк не придется.

— Но, генерал, я все-таки же упустил...

— Прошу оставить возражения. Понимаю ваше изумление и никакого вам снисхождения не оказываю. Я должен был лично свидеться с Кабалли, так как никому не мог доверить переговорить с ним. Возвращаясь из своего путешествия, мне пришлось пройти около вашего поста. Я вам довольно понятно подмигивал глазом в знак того, что желаю переговорить с вами наедине.

— Это так так! О теперь я начинаю все понимать!

— К сожалению, несколько поздно. Я не мог себя выдать перед вашими неграми. Какое влияние на них я имел бы, если бы мне пришлось еще раз облачаться в арабский костюм? Вы меня поставили в очень фальшивое положение. Но в конце концов мне удалось переговорить с туземным офицером, и он подготовил мой побег.

— Он Магомет-Али?

— Я ему приказал об этом молчать, так как хотел свести с вами счеты. Мы, капитан Иойсе, обедаем в восемь часов: мы живем здесь весьма просто, но тем не менее надеюсь обойтись с вами гостеприимнее, чем вы со мною в Куркуре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Соммерсет Мохам. Господин Всезнайка . . .	3
Чарльз Норрис. Мистер Бригс был прав .	16
Джек Лондон. Шериф Коны	22
Конан-Дойль. Дебют бимбаши Иойсе . . .	47

License from 14. July 1947.